

УДК 001

DOI: 10.34670/AR.2026.22.22.007

Общество «по ту сторону потребления»: пределы индустриальной логики и новая структура социального неравенства

Мамедов Агамали Куламович

Доктор социологических наук, профессор,
заведующий кафедрой коммуникативных систем,
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
119234, Российская Федерация, Москва, Ленинские горы, 1/33;
e-mail: akmnauka@yandex.ru

Аннотация

В статье предлагается теоретическое переосмысление концепции стадий экономического роста Уолта Ростоу в контексте цифровой трансформации современного общества. Обосновывается тезис о том, что общество массового потребления не является финальной стадией модернизации, а представляет собой предельную форму индустриальной логики, за которой начинается формирование новой социальной конфигурации. Показано, что в условиях цифровизации происходит смещение оснований социальной стратификации: от распределения материальных ресурсов и символического потребления — к дифференциации, основанной на доступе к инфраструктурам, алгоритмам и платформенным системам. В этой связи вводится понятие постпотребительской стратификации, отражающее переход от неравенства обладания к неравенству включенности. Особое внимание уделяется роли платформенной экономики и алгоритмического посредничества, формирующих новые механизмы распределения видимости, участия и экономических возможностей. В рамках онтологического подхода социальная реальность рассматривается как результат взаимодействия человеческих и нечеловеческих акторов, что позволяет выявить скрытые формы инфраструктурного неравенства. Эмпирическая часть исследования опирается на анализ динамики потребительских расходов, демонстрирующей смещение от потребления вещей к потреблению опыта и далее — к логике доступа и участия. Сделан вывод о том, что современное общество находится в состоянии перехода к форме социальной организации «по ту сторону потребления», в которой ключевым ресурсом становится включенность в социотехнические сети и контроль над условиями циркуляции ресурсов, информации и возможностей.

Для цитирования в научных исследованиях

Мамедов А.К. Общество «по ту сторону потребления»: пределы индустриальной логики и новая структура социального неравенства // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2026. Том 15. № 2А. С. 160-172. DOI: 10.34670/AR.2026.22.22.007

Ключевые слова

Ростоу, модернизация, общество потребления, цифровизация, социальная стратификация, постпотребление, платформенная экономика, инфраструктурное неравенство.

Введение

Теория стадий экономического роста Уолта Ростоу, несмотря на многократную критику и пересмотры, сохраняет статус одной из немногих моделей, претендующих на целостное объяснение исторической динамики общества. Однако именно ее центральный тезис — представление о достижении стадии массового потребления как высшей точки развития — в условиях современности требует не столько опровержения, сколько принципиального переосмысления.

Проблема заключается не в том, что данная модель оказывается неверной, а в том, что она оказывается недостаточно завершенной. В самой логике построения теории присутствует указание на возможность стадии, находящейся «по ту сторону» массового потребления [Ростоу, 1961, с. 27], однако эта перспектива остается концептуально неразработанной. Именно эта лакуна становится сегодня продуктивной точкой входа для анализа.

Основная часть

Традиционная интерпретация теории Ростоу закрепила за ней статус линейной модели прогресса, в рамках которой общество проходит последовательность стадий, завершающихся достижением высокого уровня массового потребления. Такое прочтение оказалось удобным — прежде всего потому, что оно трансформирует аналитическую схему в нормативную модель «успешного развития». Однако подобная редукция существенно обедняет исходную концепцию, игнорируя заложенное в ней внутреннее напряжение.

Если читать теорию более внимательно, становится очевидно: речь идет не столько о линейной последовательности стадий, сколько о динамике, в которой каждая фаза содержит предпосылки собственной трансформации. В этом смысле общество массового потребления следует рассматривать не как завершение модернизационного проекта, а как его предельную форму — точку, в которой индустриальная логика достигает насыщения и начинает утрачивать объяснительную и практическую эффективность. Иначе говоря, речь идет не о финале, а о пределе.

В укоренившейся интерпретации теория стадий роста Уолта Ростоу обычно рассматривается как линейная схема прогресса, в рамках которой общество последовательно проходит ряд этапов, достигая на завершающей стадии уровня высокого массового потребления. Подобная трактовка, закрепившаяся как в учебной литературе, так и в значительной части социологических работ, фактически превращает аналитическую модель в нормативную конструкцию, задающую представление о «правильной» траектории развития.

Однако такое прочтение оказывается излишне прямолинейным. Оно фиксирует последовательность стадий, но упускает из виду внутреннюю динамику самой модели — напряжение, возникающее в точке перехода от одной фазы к другой. Между тем именно это напряжение и составляет ключ к ее более точному пониманию.

Если рассматривать теорию Ростоу не как описание завершенного процесса, а как фиксацию предельных состояний индустриального развития, становится очевидным: стадия массового потребления не завершает модернизацию, а обозначает момент ее насыщения. Это состояние, в котором количественное наращивание производства и расширение рынков перестают приводить к качественным социальным сдвигам.

И здесь принципиален один момент. Экономический рост, ранее выступавший универсальным механизмом модернизации, в условиях зрелого индустриального общества начинает выполнять иную функцию — он уже не трансформирует социальную структуру, а воспроизводит ее, закрепляя сложившиеся различия.

В результате общество массового потребления оказывается не точкой достижения, а точкой перегиба.

На этом уровне проявляется целый ряд взаимосвязанных процессов. Во-первых, экономическое расширение утрачивает способность снижать социальное неравенство. Увеличение объемов производства и потребления не ведет к выравниванию возможностей, а, напротив, формирует новые линии дифференциации — прежде всего в сфере доступа к символическим ресурсам и статусным позициям.

Во-вторых, возникает разрыв между экономическим ростом и социальным благополучием. Нарастание материального богатства перестает автоматически конвертироваться в улучшение качества жизни, что указывает на смещение значимости от производства к механизмам распределения.

В-третьих, трансформируется сама природа потребления. Его утилитарная функция отходит на второй план, уступая место символической. Товары и услуги начинают выполнять роль маркеров — они фиксируют не столько уровень удовлетворения потребностей, сколько положение индивида в социальной иерархии. Именно в этот момент происходит качественный сдвиг: потребление перестает быть просто экономической категорией и становится механизмом социальной организации [Ильин, 2015, с. 117].

Важно подчеркнуть, что этот переход не является внешним по отношению к логике модернизации. Напротив, он вырастает из нее. Массовое потребление — это не отклонение от индустриальной модели, а ее предельное выражение, в котором заложенные в ней механизмы достигают своей максимальной интенсивности и начинают обнажать собственные ограничения.

Отсюда становится понятным и то, почему в самой теории Ростоу появляется указание на возможность стадии, находящейся «по ту сторону» массового потребления [Ростоу, 1961, с. 29]. Даже если она не получила детальной разработки, сам факт ее присутствия принципиален: он фиксирует незавершенность модернизационного процесса.

Таким образом, общество массового потребления следует интерпретировать не как финальную стадию, а как предельное состояние системы, достигшей границы собственной воспроизводимости. За этой границей начинается поиск иных форм социальной организации. Предлагаемая интерпретация позволяет зафиксировать не просто трансформацию потребления, а смену уровня анализа социальной структуры. Если ранее ключевым вопросом было распределение ресурсов и их символическое присвоение, то в современных условиях на первый план выходит распределение условий доступа к этим ресурсам. Это смещение требует не корректировки существующих моделей, а их принципиального пересмотра.

Классическая экономическая теория исходит из достаточно устойчивого представления: потребление рассматривается как завершающая стадия экономического цикла, производная от производства и направленная на удовлетворение потребностей. В этой логике различия между социальными группами описываются преимущественно количественно — через объем потребляемых благ и уровень дохода. Однако подобная схема оказывается недостаточной для анализа позднего модерна.

Дело не в том, что она полностью утрачивает объяснительную силу, а в том, что она фиксирует лишь поверхностный уровень процессов, игнорируя происходящий сдвиг в самой

природе потребления. Этот сдвиг носит принципиальный характер. Потребление перестает быть пассивным следствием экономических процессов. Оно начинает работать как активный механизм производства социальной структуры. Именно здесь происходит инверсия, которую трудно переоценить.

Если на ранних этапах модернизации потребности носили преимущественно функциональный характер, то в условиях общества массового потребления на первый план выходят потребности иного порядка — связанные с признанием, статусом, принадлежностью. Это меняет саму логику выбора: человек приобретает не просто вещь, а значение, которое за ней закреплено. Товар перестает быть только объектом. Он становится знаком.

В этой перспективе потребление начинает функционировать как язык социальной коммуникации. Через него индивиды не просто удовлетворяют потребности, но артикулируют свое положение в социальной иерархии, транслируют идентичность и формируют ожидания относительно собственного статуса.

Здесь принципиален один нюанс: речь идет не о «выражении» уже существующей позиции, а о ее производстве. Потребление не отражает социальную структуру — оно участвует в ее конструировании [Бодрийяр, 2020, с. 128].

Особую роль в этом процессе играет формирование брендовой экономики. Стоимость товара все в меньшей степени определяется его функциональными характеристиками и все в большей — его символическим капиталом. Бренд концентрирует статус, превращаясь в своего рода «узел значений», к которому привязываются представления о престижности, стиле жизни и принадлежности к определенной группе [Мамедов, Горлач, Горлач, 2026, с. 121].

Обладание брендом в этой логике означает не столько владение вещью, сколько присвоение определенного символического ресурса. В результате социальные различия начинают воспроизводиться через доступ не только к материальным благам, но и к символическим кодам, позволяющим эти различия маркировать и распознавать.

Дополнительный фактор, существенно изменяющий структуру потребления, связан с развитием кредитных механизмов. Кредит разрушает прямую зависимость между текущим доходом и уровнем потребления, расширяя возможности участия в символической экономике. Однако это расширение оказывается двойственным.

С одной стороны, оно создает иллюзию доступности статусных практик. С другой — усиливает структурную зависимость индивидов от финансовых институтов, закрепляя их включенность в систему на условиях, которые они не контролируют. В результате формируется парадоксальная ситуация: участие в потреблении становится практически универсальным, но это участие не гарантирует устойчивого повышения статуса. Более того, оно может воспроизводить и даже усиливать существующие различия.

Общество потребления функционирует одновременно как механизм интеграции и как механизм дифференциации. Оно включает — но на разных условиях. И именно в этом двойственном характере проявляется его предельность.

В конечном счете становится очевидным: в позднем модерне происходит принципиальный сдвиг — не производство определяет социальную структуру через распределение ресурсов, а потребление воспроизводит ее через распределение символических различий.

Распространение цифровых технологий изначально сопровождалось ожиданиями радикальной демократизации. Снижение транзакционных издержек, расширение доступа к информации, появление новых форм занятости — все это интерпретировалось как предпосылка выравнивания возможностей и ослабления социальной дифференциации. На первый взгляд, для

этого действительно были основания. Однако эмпирическая динамика указывает на обратное. Цифровизация не устраняет неравенство — она изменяет его форму, переводя в менее очевидное, но более устойчивое состояние [Мамедов, Коркия, 2017, с. 10]. Здесь происходит сдвиг, который нельзя объяснить в рамках прежних категорий.

Ключевым элементом этой трансформации становится платформенная экономика [16; 18; 19]. В отличие от классических рынков, платформы функционируют не просто как посредники обмена. Они задают архитектуру взаимодействия — определяют, кто получает доступ, кто становится видимым и на каких условиях происходит включение в систему. Иначе говоря, они управляют не ресурсами напрямую, а условиями их распределения. Это принципиально иная форма власти.

Если в индустриальном обществе центральным ресурсом выступала собственность, а в обществе потребления — символический капитал, то в цифровой среде ключевым становится доступ к инфраструктурам, обеспечивающим циркуляцию данных, внимания и капитала. Но доступ здесь не является нейтральным. Он структурирован.

Особую роль в этом процессе начинают играть алгоритмы. Они выполняют функцию скрытых регуляторов, определяя параметры видимости и приоритизации: какие товары будут предложены, какие контенты окажутся в поле внимания, какие пользователи получают доступ к аудитории и возможности монетизации. При этом логика их функционирования остается непрозрачной. И в этом заключается один из ключевых механизмов воспроизводства неравенства.

Речь идет о ситуации, в которой различия формируются не через прямое исключение, а через дифференциацию возможностей. Пользователь формально включен в систему, но его положение внутри нее определяется параметрами, на которые он не может повлиять.

Возникает то, что можно обозначить как инфраструктурное неравенство. Его специфика заключается в том, что оно плохо поддается наблюдению. Оно не фиксируется в очевидных показателях — доходах, собственности или статусе — но проявляется в различиях в скорости, доступе, видимости и способности конвертировать активность в ресурс. В результате происходит смещение самой природы власти. Она перестает быть связанной исключительно с владением и все в большей степени определяется способностью управлять потоками — информации, внимания, капитала. Контроль перемещается с уровня ресурсов на уровень их циркуляции. Именно здесь становится очевидным, что цифровизация не отменяет логику общества потребления. Она ее радикализирует.

Потребление продолжает играть ключевую роль, но оно больше не ограничивается приобретением вещей или символических маркеров. Оно оказывается вплетенным в процессы генерации данных, управления вниманием и алгоритмической селекции.

Человек потребляет — и одновременно производит [14; 15]. Но производит он в системе, правила которой ему не принадлежат.

Классическая социологическая традиция исходит из предпосылки, которая долгое время казалась самоочевидной: человек рассматривается как центральный субъект социальной реальности, а все социальные процессы интерпретируются как результат его действий, взаимодействий и институциональных форм [Мамедов, Горлач, Горлач, 2026, с. 135].

Однако в условиях цифровой трансформации эта предпосылка начинает давать сбой. Проблема заключается не в том, что роль человека исчезает, а в том, что она перестает быть единственным и безусловным основанием анализа. В современной социальной реальности появляются акторы иного порядка — технологические системы, алгоритмы,

инфраструктуры, — которые не сводятся к инструментам человеческой деятельности и начинают играть самостоятельную роль в формировании социальных процессов.

И здесь возникает необходимость смены оптики. Онтикологический подход предлагает рассматривать социальную реальность как пространство взаимодействия различных сущностей, обладающих собственным онтологическим статусом. Речь идет не о стирании различий между человеческим и нечеловеческим, а о признании того, что оба типа акторов включены в единые конфигурации, внутри которых и формируются социальные эффекты.

Это позволяет иначе поставить вопрос о структуре общества. Социальное перестает быть исключительно результатом человеческих действий. Оно становится результатом взаимодействия — в том числе с объектами, системами и средами, которые задают условия этих действий [Ильин, 2008, с. 58]. Технологии в этой перспективе выступают не как фон, а как активные элементы. Они не просто расширяют или ограничивают возможности, а формируют саму архитектуру возможного.

Именно здесь становится видимым один из наиболее скрытых механизмов современного неравенства. Различия между социальными группами оказываются связаны не только с ресурсами, которыми они обладают, но и с конфигурациями объектов, к которым они подключены. Доступ к инфраструктуре — интернету, платформам, транспортным системам — перестает быть внешним условием и превращается в фактор, структурирующий само социальное пространство. Важно подчеркнуть: речь идет не просто о доступе как таковом, а о качестве этого доступа.

Разные уровни включенности означают разные возможности действия. В этом смысле неравенство приобретает распределенный характер. Оно не локализуется в одной точке — например, в доходе или статусе, — а рассеивается по сети связей, в которые включен индивид. Именно поэтому оно становится менее очевидным и одновременно более устойчивым.

Онтикологический поворот позволяет зафиксировать этот сдвиг. Он смещает внимание с субъектов на конфигурации, в которых они действуют, и тем самым делает видимыми те механизмы, которые остаются скрытыми в рамках антропоцентрических моделей. В результате становится возможным сделать более радикальный вывод: социальное неравенство в современном обществе формируется не только через различия между людьми, но и через различия в тех социотехнических связках, в которые они включены.

Переход к обществу «по ту сторону потребления» не может быть описан как простое продолжение модернизационной логики. Речь идет не о следующем этапе той же траектории, а о смещении самой рамки, в пределах которой это развитие осмыслялось.

И здесь важно зафиксировать исходную точку.

В классической модели Уолта Ростоу развитие понимается как процесс последовательной конверсии ресурсов в экономические блага, где ключевыми переменными выступают производство, накопление и потребление. Однако в условиях цифровой трансформации эта логика перестает быть универсальной [20; 21]. Она продолжает работать — но уже не объясняет происходящее в полной мере. Производство и потребление утрачивают статус центральных категорий. На их место приходят процессы иного порядка — управление потоками, организация инфраструктур, распределение доступа [Брайант, 2019, с. 271]. Это не просто добавление новых элементов к прежней модели. Это изменение уровня анализа.

В этой перспективе общество «по ту сторону потребления» может быть определено как форма социальной организации, в которой ключевым ресурсом становится не владение вещами и даже не возможность их потребления, а степень включенности в социотехнические сети,

обеспечивающие циркуляцию ресурсов, информации и статуса. Иначе говоря, важным оказывается не то, что у человека есть, и даже не то, что он может потреблять, а то, к чему он подключен.

Это смещение радикально меняет логику стратификации. Если в индустриальном обществе она строилась вокруг собственности, а в обществе потребления — вокруг символического потребления и различий вкуса, то в новой конфигурации ключевым становится доступ к инфраструктурам и позиция внутри систем распределения возможностей.

Речь идет о формировании постпотребительской стратификации. Ее основой является неравномерный доступ к тем архитектурам, которые определяют условия участия в экономических и социальных процессах: цифровым платформам, логистическим системам, сетям передачи данных, алгоритмическим механизмам распределения внимания.

В этой логике социальное положение определяется не столько объемом ресурсов, сколько способностью включаться в их циркуляцию и извлекать из нее выгоду. Это означает, что различия смещаются с уровня обладания на уровень включенности.

И именно здесь возникает новая форма неравенства — инфраструктурная. Она проявляется не через прямое исключение, а через различие в режимах доступа: скорости, видимости, возможности быть замеченным, способности монетизировать активность. Формально система открыта для всех, но реальные условия участия оказываются неравными.

В результате меняется и природа власти. Она все в меньшей степени связана с прямым контролем над ресурсами и все в большей — с контролем над условиями их циркуляции. Ключевыми акторами становятся не столько владельцы материальных активов, сколько субъекты, управляющие инфраструктурами — цифровыми платформами, сетями, алгоритмическими системами.

Таким образом, власть перемещается с уровня собственности на уровень архитектуры. Важно подчеркнуть, что этот переход не носит линейного характера. Общество «по ту сторону потребления» не возникает как завершенная система. Оно формируется как пространство наложения различных логик — индустриальной, потребительской, цифровой, — которые не вытесняют друг друга, а сосуществуют, создавая сложную конфигурацию напряжений. Именно в этой многослойности и проявляется его специфика.

Переход к обществу «по ту сторону потребления» не представляет собой ни линейного, ни тем более гармоничного процесса. Напротив, он сопровождается формированием комплекса противоречий, которые не являются временными отклонениями, а носят структурный характер и задают саму динамику происходящих изменений.

И здесь важно не просто зафиксировать их наличие, а понять их конфигурацию.

Если в индустриальной логике ключевые противоречия концентрировались вокруг распределения материальных ресурсов, то в постпотребительской реальности они смещаются на пересечение нескольких уровней — экономического, технологического и социального. Именно в точках этого пересечения и возникает напряжение.

Одним из наиболее показательных является противоречие между расширением доступа к информации и сохранением ограничений в доступе к экономическим возможностям.

Цифровая инфраструктура обеспечивает практически мгновенную циркуляцию знаний, культурных кодов и символических форм. Барьеры, которые ранее ограничивали доступ к информации, существенно ослабляются. На первый взгляд, это должно вести к выравниванию возможностей. Но этого не происходит. Доступ к информации оказывается условием включения, но не гарантией участия. Субъекты получают знание о возможностях, но не получают инструментов для их реализации.

В результате возникает специфическое напряжение: разрыв между когнитивной включенностью и экономической включенностью. И этот разрыв не сокращается — он усиливается [Штайнер, 2003, с. 196].

Второе фундаментальное противоречие связано с несоответствием между экспоненциальным развитием технологических систем и ограниченностью материальных ресурсов, на которых они основаны. Цифровая экономика создает эффект нематериальности, однако ее функционирование опирается на сложные инфраструктуры — энергетические системы, редкоземельные материалы, глобальные логистические цепочки [Шинкарецкая, 2019, с. 119-120]. Расширение цифрового потребления увеличивает нагрузку на эти ресурсы, делая невозможным бесконечное воспроизводство существующей модели.

Возникает конфликт между логикой бесконечного роста и объективной ограниченностью ресурсной базы. И этот конфликт имеет не только экономическое, но и социальное измерение: он усиливает конкуренцию за доступ, формирует новые линии неравенства и требует пересмотра принципов организации производства и потребления.

Третье противоречие связано с одновременным расширением участия и усилением алгоритмического контроля. Цифровые технологии создают условия для включения широких слоев населения в процессы коммуникации, обсуждения и даже производства контента. Формально пространство участия становится более открытым.

Однако одновременно с этим формируется система скрытого регулирования, в рамках которой алгоритмы определяют параметры видимости, приоритетности и доступности. В результате участие оказывается опосредованным. Оно существует — но в заранее заданных рамках. Возникает напряжение между формальной демократизацией и фактической концентрацией управления.

И, наконец, одно из наиболее парадоксальных противоречий — сочетание индивидуализации и зависимости.

Современные общества активно транслируют идею расширения свободы выбора, автономии и самореализации. Индивид получает все больше возможностей конструировать собственную траекторию. Но одновременно его повседневные практики оказываются встроенными в инфраструктурные системы, без которых их осуществление становится затруднительным. Свобода расширяется — и одновременно структурируется. Индивид ощущает себя автономным, но его действия все в большей степени определяются архитектурой систем, в которых он действует.

Индивидуализация и зависимость не противостоят друг другу. Они сосуществуют.

В совокупности эти противоречия позволяют сделать важный вывод: общество «по ту сторону потребления» не является устойчивой системой. Оно представляет собой динамическое пространство напряжений, в котором различные логики не вытесняют, а накладываются друг на друга.

И именно через анализ этих напряжений становится возможным не только описание текущего состояния, но и построение прогностических моделей.

Теоретическая реконструкция общества «по ту сторону потребления» требует обращения к эмпирическим данным, позволяющим зафиксировать реальные изменения в структуре потребительских практик. В этом отношении показательной является динамика новогодних расходов в России, отражающая сдвиг в приоритетах массового поведения [ВЦИОМ, 2026].

Если в докризисный период сохранялся относительный баланс между основными категориями затрат — праздничный стол, подарки и досуг, — то последующие годы демонстрируют заметное перераспределение в пользу нематериальных форм потребления.

Особенно показателен срез 2025 года. Расходы на досуг и впечатления начинают не просто расти, а занимать доминирующее положение, опережая затраты на материальные компоненты праздника. Это изменение нельзя интерпретировать как обычное колебание структуры расходов.

Речь идет о смене логики. Потребление все в большей степени ориентируется не на приобретение вещей, а на производство опыта. Именно опыт начинает выполнять функцию носителя статуса, становясь средством социальной дифференциации.

Однако этот сдвиг не означает исчезновения неравенства. Он меняет его форму.

Если доступ к базовым товарам в значительной степени выравнивается, то доступ к качественным впечатлениям, уникальным форматам досуга и символически значимым событиям остается дифференцированным.

Таким образом, происходит переход от неравенства обладания к неравенству участия.

Дополнительный аспект, заслуживающий внимания, связан с расхождением между планируемыми и фактическими расходами, зафиксированным в начале 2020-х годов. Существенное превышение реальных затрат над ожидаемыми указывает на то, что потребление выходит за рамки рационального расчета и приобретает выраженную эмоциональную и символическую нагрузку.

Праздник в этом контексте перестает быть просто событием. Он становится проектом. Проектом, в рамках которого индивид стремится не только удовлетворить потребности, но и подтвердить свою включенность в значимые социальные контексты.

Вместе с тем данные последних лет фиксируют и противоположную тенденцию — рост установок на экономию при сохранении участия в потребительских практиках. Это указывает на формирование специфического режима, который можно обозначить как «управляемое потребление». Индивиды стремятся оптимизировать расходы, не отказываясь от символически значимых элементов.

Эмпирические данные демонстрируют двойственную динамику: усиление значения опыта и символического измерения потребления сочетается с необходимостью его рационализации в условиях ограниченных ресурсов.

Именно эта двойственность подтверждает переходный характер современного общества. Потребление не исчезает, но перестает быть универсальным основанием социальной структуры, уступая место более сложным механизмам — доступу, участию и включенности.

В этом смысле даже в сфере, традиционно связанной с материальными практиками, проявляются черты постпотребительской логики. И это, пожалуй, самый показательный результат.

Заключение

Проведенный анализ позволяет пересмотреть устойчивое представление о модернизационной динамике, закрепленное в теории стадий экономического роста Уолта Ростоу. Общество массового потребления не может рассматриваться как финальная стадия развития, поскольку именно в нем достигается предел эффективности индустриальной логики, основанной на расширении производства и потребления.

Ключевой вывод состоит в том, что современное общество находится в состоянии качественного перехода. Потребление сохраняет значимость, но утрачивает статус универсального принципа стратификации. На первый план выходят иные механизмы.

Социальная дифференциация все в большей степени определяется доступом к инфраструктурам, алгоритмам и системам управления потоками. В этой перспективе предложенная концепция общества «по ту сторону потребления» фиксирует смену логики социального развития: от экономики вещей и их символического присвоения — к экономике связей, конфигураций и режимов доступа.

Иначе говоря, важным становится не столько обладание, сколько включенность.

Методологически значимым является соединение модернизационной теории с онтологическим подходом, позволяющее выйти за пределы антропоцентрической парадигмы и рассматривать социальную реальность как результат взаимодействия человеческих и нечеловеческих акторов. Такой подход делает возможным анализ тех процессов, которые остаются неочевидными в рамках классических моделей, включая инфраструктурное неравенство, алгоритмическое управление и распределенные формы власти.

Особое значение имеет выявление структурных противоречий постпотребительского общества. Они проявляются в разрыве между информационной открытостью и экономической закрытостью, в напряжении между технологическим ростом и ресурсными ограничениями, в сочетании формальной демократизации с алгоритмическим контролем, а также в одновременном усилении индивидуализации и зависимости от инфраструктурных систем. Эти противоречия свидетельствуют о том, что современное общество не находится в состоянии устойчивого равновесия. Оно представляет собой пространство наложения различных логик, в котором развитие носит нелинейный и конфликтный характер.

В этом контексте теория Ростоу приобретает новое значение. Она описывает не завершение модернизации, а ее предельную точку — момент, за которым начинается формирование иной социальной реальности.

Таким образом, общество «по ту сторону потребления» следует рассматривать не как завершенную стадию, а как процесс. Процесс, в рамках которого меняются основания социальной структуры, формы власти и конфигурация акторов.

И именно в этой перспективе открываются возможности для дальнейших исследований, направленных на разработку теоретических моделей и эмпирических инструментов, адекватных сложности современной социальной динамики.

В этом смысле вопрос о будущем общества оказывается не вопросом объема производства или уровня потребления, а вопросом архитектуры доступа — того, кто, как и на каких условиях включается в циркуляцию ресурсов, информации и возможностей.

Библиография

1. Бодрийяр Ж. Общество потребления / Ж. Бодрийяр; пер. с фр. Е. А. Самарской. — М.: АСТ, 2020. — 320 с.
2. Брайант Л. Р. Демократия объектов / Л. Р. Брайант; пер. с англ. О. С. Мышкина. — Пермь: Гиле Пресс, 2019. — 320 с.
3. Виртшафтер Э. К. Социальные структуры: разночинцы в Российской империи / Э. К. Виртшафтер; пер. с англ. Т. П. Вечериной; под ред. А. Б. Каменского. — М.: Логос, 2002. — 272 с.
4. ВЦИОМ. Новогодние траты россиян: динамика и структура (2019–2025). — URL: <https://wciom.ru> (дата обращения: 31.03.2026).
5. Ильин А. Н. Потребление как социальная практика: теоретические основания анализа. — М.: Канон+, 2015. — 256 с.
6. Ильин В. И. Потребление как социальная практика. — СПб.: Интерсоцис, 2008. — 160 с.
7. Мамедов А.К., Горлач Д.Г., Горлач М.Е. Прагмалингвистика социального статуса. — М.: ООО "МАКС Пресс", 2026. — 148 с.
8. Мамедов А. К., Коркия Э. Д. Идентичность в виртуальной реальности: новые альтернативы // Теория и практика общественного развития. — 2017. — №. 2. — С. 9-12.

9. Ростой В. В. Стадии экономического роста: некоммунистический манифест / В. В. Ростой; пер. с англ. В. П. Марченко. — М.: Прогресс, 1961. — 240 с.
10. Сад де Ж. Французы, ещё одно усилие, если вы хотите быть гражданами республики // Жюстина, или несчастная судьба добродетели. — М.: Интербук, 1991. — 336 с.
11. Шинкарецкая Г.Г. Цифровизация – глобальный тренд мировой экономики // Образование и право. 2019. № 8. С. 119-123.
12. Шгайнер К. Сценарии жизни людей: школа Эрика Берна. — СПб.: Питер, 2003. — 416 с.
13. Baudrillard J. The consumer society: myths and structures. — London: Sage Publications, 1998. — 224 p.
14. Bourdieu P. Distinction: a social critique of the judgement of taste. — Cambridge, MA: Harvard University Press, 1984. — 640 p.
15. Veblen T. The theory of the leisure class. — New York: Macmillan, 1899. — 400 p.
16. Srnicek N. Platform capitalism. — Cambridge: Polity Press, 2017. — 120 p.
17. Zuboff S. The age of surveillance capitalism: the fight for a human future at the new frontier of power. — New York: PublicAffairs, 2019. — 704 p.
18. Van Dijck J., Poell T., de Waal M. The platform society: public values in a connective world. — Oxford: Oxford University Press, 2018. — 240 p.
19. Kenney M., Zysman J. The rise of the platform economy // Issues in Science and Technology. — 2016. — Vol. 32, No. 3. — P. 61–69.
20. Castells M. The rise of the network society. — 2nd ed. — Oxford: Blackwell Publishing, 2010. — 597 p.
21. Graham M. Digital labour and development: impacts of global digital platforms // Development and Change. — 2020. — Vol. 51, No. 6. — P. 1507–1531.

Society "Beyond Consumption": The Limits of Industrial Logic and the New Structure of Social Inequality

Agamali K. Mamedov

Doctor of Sociology, Professor,
Head of the Department of Communication Systems,
Lomonosov Moscow State University,
119234, 1/33, Leninskie Gory, Moscow, Russian Federation;
e-mail: akmnauka@yandex.ru

Abstract

The article offers a theoretical rethinking of Walt Rostow's concept of stages of economic growth in the context of the digital transformation of modern society. The thesis is substantiated that the mass consumption society is not the final stage of modernization, but rather represents the ultimate form of industrial logic, beyond which the formation of a new social configuration begins. It is shown that in the conditions of digitalization, there is a shift in the foundations of social stratification: from the distribution of material resources and symbolic consumption — to differentiation based on access to infrastructures, algorithms, and platform systems. In this regard, the concept of post-consumer stratification is introduced, reflecting the transition from inequality of possession to inequality of inclusion. Particular attention is paid to the role of the platform economy and algorithmic intermediation, which form new mechanisms for the distribution of visibility, participation, and economic opportunities. Within the framework of the ontikological approach, social reality is viewed as the result of the interaction of human and non-human actors, which makes it possible to reveal hidden forms of infrastructural inequality. The empirical part of the study is based on an analysis of the dynamics of consumer spending, demonstrating a shift from the consumption of goods to the consumption of experience and further — to the logic of access and

participation. It is concluded that modern society is in a state of transition towards a form of social organization "beyond consumption," in which the key resource becomes inclusion in socio-technical networks and control over the conditions for the circulation of resources, information, and opportunities.

For citation

Mamedov A.K. (2026) *Obshchestvo "po tu storonu potrebleniya": predely industrial'noy logiki i novaya struktura sotsial'nogo neravenstva* [Society "Beyond Consumption": The Limits of Industrial Logic and the New Structure of Social Inequality]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 15 (2A), pp. 160-172. DOI: 10.34670/AR.2026.22.22.007

Keywords

Rostow, modernization, consumer society, digitalization, social stratification, post-consumption, platform economy, infrastructural inequality.

References

1. Baudrillard J. (2020) *Obshchestvo potrebleniya* [The Consumer Society]. Translated from French by E. A. Samarskaya. Moscow: AST. 320 p.
2. Bryant L. R. (2019) *Demokratiya ob'yektov* [The Democracy of Objects]. Translated from English by O. S. Myshkina. Perm: Gile Press. 320 p.
3. Wirtschafter E. K. (2002) *Sotsial'nyye struktury: raznochintsy v Rossiyskoy imperii* [Social Structures: The Raznochintsy in the Russian Empire]. Translated from English by T. P. Vecherina. Edited by A. B. Kamensky. Moscow: Logos. 272 p.
4. VTsIOM (2026) *Novogodniye traty rossiyan: dinamika i struktura (2019–2025)* [Russians' New Year Spending: Dynamics and Structure (2019–2025)] [Electronic resource]. URL: <https://wciom.ru> (accessed: 31.03.2026).
5. Ilyin A. N. (2015) *Potrebleniye kak sotsial'naya praktika: teoreticheskiye osnovaniya analiza* [Consumption as a Social Practice: Theoretical Foundations of Analysis]. Moscow: Kanon+. 256 p.
6. Ilyin V. I. (2008) *Potrebleniye kak sotsial'naya praktika* [Consumption as a Social Practice]. St. Petersburg: Intersocis. 160 p.
7. Mamedov A. K., Gorlach D. G., Gorlach M. E. (2026) *Pragmalingvistika sotsial'nogo statusa* [Pragmalinguistics of Social Status]. Moscow: MAKS Press. 148 p.
8. Mamedov A. K., Korkiya E. D. (2017) *Identichnost' v virtual'noy real'nosti: novyye al'ternativy* [Identity in Virtual Reality: New Alternatives]. In: *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and Practice of Social Development], No. 2, Pp. 9–12.
9. Rostow W. W. (1961) *Stadii ekonomicheskogo rosta: nekommunisticheskiy manifest* [The Stages of Economic Growth: A Non-Communist Manifesto]. Translated from English by V. P. Marchenko. Moscow: Progress. 240 p.
10. Sade de J. (1991) *Frantsuzy, eshchy odno usiliye, yesli vy khotite byt' grazhdanami respubliki* [Frenchmen, One More Effort If You Wish to Be Citizens of the Republic]. In: *Zhyustina, ili neschastnaya sud'ba dobrodeteli* [Justine, or the Misfortunes of Virtue]. Moscow: Interbuk. 336 p.
11. Shinkaretskaya G. G. (2019) *Tsifrovizatsiya – global'nyy trend mirovoy ekonomiki* [Digitalisation – A Global Trend of the World Economy]. In: *Obrazovaniye i pravo* [Education and Law], No. 8, Pp. 119–123.
12. Steiner C. (2003) *Stsenarii zhizni lyudey: shkola Erika Berna* [Scripts People Live: The School of Eric Berne]. St. Petersburg: Piter. 416 p.
13. Baudrillard J. (1998) *The Consumer Society: Myths and Structures*. London: Sage Publications. 224 p.
14. Bourdieu P. (1984) *Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste*. Cambridge, MA: Harvard University Press. 640 p.
15. Veblen T. (1899) *The Theory of the Leisure Class*. New York: Macmillan. 400 p.
16. Srnicek N. (2017) *Platform Capitalism*. Cambridge: Polity Press. 120 p.
17. Zuboff S. (2019) *The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power*. New York: PublicAffairs. 704 p.
18. Van Dijck J., Poell T., de Waal M. (2018) *The Platform Society: Public Values in a Connective World*. Oxford: Oxford University Press. 240 p.
19. Kenney M., Zysman J. (2016) *The Rise of the Platform Economy*. In: *Issues in Science and Technology*, Vol. 32, No. 3, Pp. 61–69.

20. Castells M. (2010) *The Rise of the Network Society*. 2nd ed. Oxford: Blackwell Publishing. 597 p.
21. Graham M. (2020) Digital Labour and Development: Impacts of Global Digital Platforms. In: *Development and Change*, Vol. 51, No. 6, Pp. 1507–1531.